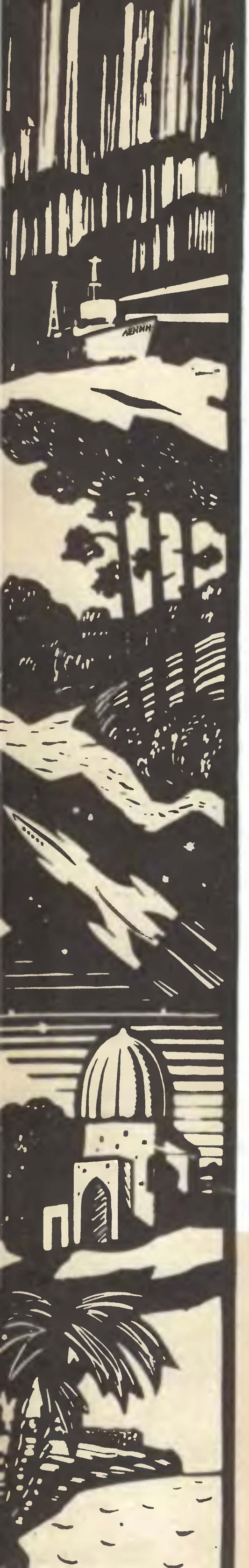

ВОКРУГ СВЕТА

8 1977 АВГУСТ

А. А. МИЛН,
английский писатель

БОКАЛ ВИНА

Рассказ

Я в жутком затруднении. Не знаю, как поступить. Впрочем, изложу все по порядку...

— Один из принципов, которые я усвоил за время службы в Скотленд-Ярде, — изрек старший полицейский инспектор, — очень прост: внешняя картина преступления не всегда обманчива, преступление могло быть совершено именно так, как говорит об этом оставленный след, а прямые, я бы сказал, слишком прямые улики не всегда следует принимать за инсценировку.

Он налил себе вина и передал бутылку мне.

— Мне кажется, я не совсем понимаю вас, — сказал я, надеясь этим поощрить его к продолжению разговора...

...Дело в том, что я пишу детективные рассказы. Если вы ничего не слышали обо мне, то лишь потому, что, видимо, не читаете детективов. Мною написаны, например, «Убийство на черной лестнице» и «Тайна пересушенного шиповника», если упомянуть только два из имевших успех произведений. Этим, я полагаю, объясняется интерес, проявленный ко мне старшим полицейским инспектором Фредериком Мортимером, ну и, конечно, мой интерес к нему. Постепенно мы сблизились, и у нас стало традицией раз в месяц обедать вместе. Он любил порассказать о своих расследованиях, а я, естественно, был внимательным собеседником. Но в этот вечер, должно быть, вино слишком ударило нам в голову...

— Мне кажется, я не совсем понимаю вас, — повторил я.

— Я пришел к выводу, что простой путь совершения преступления часто является для преступника наилучшим. Это вовсе не означает, что преступник — человек с примитивным мышлением. Наоборот, он достаточно хитер и прекрасно понимает, что в простое решение именно в силу его простоты верится с трудом.

Это звучало противоречиво, и потому я попросил:

— Приведите пример.

— Ну, возьмем дело о бутылке вина, посланной лорду Хедингему в день рождения. Рассказывал я вам когда-нибудь эту историю?

— Нет, — ответил я, наливая себе вина и передавая бутылку инспектору.

Он наполнил свой бокал и задумался.

— Нам позвонили в Ярд, — начал Мортимер, — и сообщили, что дворецкий лорда Хедингема внезапно умер в городском доме его светлости на Брук-стрит и что предполагается убийство путем отравления. Мы тотчас отправились на место. Вести это дело было поручено инспектору Тотмену. В то время я был еще молодым полицейским сержантом и работал под его началом. Это был энергичный солдафон с колючими рыжими усиками. Со своей работой он справлялся неплохо, хотя действовал слишком уж ортодоксально и не без показного блеска. Однако воображения у него не было ни на грош, и в любом деле его занимало лишь одно: что может извлечь из этого инспектор Тотмен для своей карьеры.

Откровенно говоря, я не любил его. Внешне мы были дружны — для этого достаточно было с ним не ссориться; более того, у него хватало тщеславия считать, что я безмерно восхищаюсь им. Да и по службе я смог бы продвигаться значительно быстрее, если бы Тотмен не стремился удерживать меня под своим начальством, чтобы использовать мои мозги для собственной выгоды. Ну да хватит об этом...

...Итак, мы нашли дворецкого распростертым на полу в его кладовой. Открытая бутылка «Токая», разбитый винный бокал с остатками жидкости не оставляли сомнения в причине смерти.

Вино было получено за часполтора до случившегося вместе с визитной карточкой сэра Вильяма Келсо. На карточке было напечатано короткое послание примерно такого содержания: «Благословляю тебя, Томми, и прими от меня этот скромный

подарок». Я, конечно, дословно не помню, но за смысл могу поручиться. По случаю дня рождения лорда предполагался небольшой семейный ужин. Сэр Вильям Келсо, должен вам пояснить, был старейшим другом Хедингема, к тому же породнившимся с ним после женитьбы лорда на его сестре; вообще-то сэр Вильям должен был и сам присутствовать на торжестве. Это был холостяк, лет около пятидесяти, преданный брат и добрый дядя для своих племянника и племянниц.

Так вот... Дворецкий принес бутылку с визитной карточкой сэра Вильяма Келсо его светлости где-то около шести часов, и лорд Хедингем, взяв карточку, произнес что-то вроде: «Добрый старый Билл. Мы разопьем это вечером, Перкинс», и Перкинс ответил: «Слушаю, милорд», и вышел с бутылкой. Карточка осталась лежать на столе. То, что произошло после этого, предельно ясно. Перкинс открыл бутылку, намереваясь перелить ее содержимое в графин, но не смог устоять перед соблазном попробовать новое вино. Дворецкий налил полный бокал, выпил... и умер почти мгновенно.

— Боже мой! Какое везение! — прервал я Мортимера. — Я имею, конечно, в виду лорда Хедингема и его семью.

— Действительно, — подтвердил Мортимер, вращая в руках свой бокал. — Содержимое бутылки подвергли анализу: в вине оказалась сверхсмертельная доза синильной кислоты. Естественно, мы сделали все, что полагается в подобных случаях: с молодым Робертсом, славным парнишкой, который часто работал с нами, я обошел все окрестные аптеки и виноторговцев; инспектор Тотмен допросил всех сверху донизу, начиная с сэра Вильяма и лорда Хедингема...

К концу недели все, что мы могли утверждать, сводилось к следующему.

Убийца имел возможность раздобыть одну из визитных карточек сэра Вильяма Келсо и знал, что Джона Ричарда Мервина Плантагенета Карлоу, десятого маркиза Хедингема, близкие друзья называют Томми. Из этого Тотмен сделал вывод, что убийца из круга родственников и друзей Хедингема — Келсо. Я это оспаривал, указывая на следующее: а) визитные карточки раздают скорее посторонним, чем близким друзьям, разве что в случаях официальных приглашений, когда эти карточки могут оставаться в вазе или на подносе в холле, откуда каждый может их украсть; б) тот факт, что лорда Хедингема называли Томми, был известен многим, так как это упоминалось в светской хронике, наиболее же убедительно то, что убийца не знал, что сэр Вильям Келсо должен быть на ужине. Потому что хоть какое-то упоминание о подарке было неизбежным — либо в момент прибытия сэра Вильяма, либо когда вино будет подано. И если бы он возразил, что бутылка прислана не им, она сразу же вызвала бы подозрение. Случилось, правда, так, что Перкинс выпил вино еще до прихода сэра Вильяма. К тому же и сэр Вильям, и лорд Хедингем уверяли нас, что они всегда ужинают вместе в дни рождения друг друга и что, по их убеждению, об этом знают все их друзья.

В итоге у нас сложилась такая версия убийства. Преступник имел какую-то вескую причину ненавидеть лорда Хедингема и без колебаний решился на самую страшную месть. Он знал, что сэр Вильям Келсо — друг его светлости, что Келсо называл его Томми и что Келсо, естественно, мог преподнести лорду бутылку вина в день рождения. Но он не знал, что сэр Вильям собирался быть у его светлости в этот вечер.

Поэтому убийца скорее всего не мог быть из числа работавших или живших в доме лорда Хедингема. Однако он имел возможность завладеть визитной карточкой сэра Вильяма.

Случилось так, что этой версии полностью соответствовал один человек. Этого парня звали... постойте... Мерривейл, Мэдж... впрочем, какая разница... Мертон — вот как его звали. Он шесть месяцев прослужил камердинером у его светлости, был заподозрен в краже и уволен без рекомендации. Именно такой человек отвечал нашей версии. Две недели мы его разыскивали. И когда наконец нашли, то выяснили, что у него стопроцентное алиби — лучшего не надо. — Старший полицейский инспектор поднял руку, и я подумал, что он, должно быть, в молодости таким жестом останавливал транспорт. — Вы, наверное, хотите возразить, что чем лучше алиби, тем оно и хуже. Иногда бывает и так, я согласен, но не в данном случае. Ибо Мертон находился в тюрьме в течение двух последних месяцев. И в чем, вы думаете, он обвинялся в ожидании суда?.. Он обвинялся в убийстве, и притом, заметьте, в убийстве путем отравления.

— Боже!.. — вставил я. И воспользовался случаем, чтобы наполнить бокал моего друга.

— Можете себе представить, — продолжал он после паузы, — каким это явилось для нас ударом. Мы пришли к твердому убеждению, что убийство совершил Мертон, не подумав о самом простом, не проверив: а была ли у него вообще такая возможность! И теперь, доказав, как дважды два — четыре, что он был способен на это, мы одновременно установили, что он убийства совершить не мог.

Я сказал Тотмену: «Давайте переждем несколько дней, с тем чтобы каждый из нас обдумал создавшуюся обстановку, а затем объединим идеи и примемся за дело со свежими силами».

Тотмен подергал свои усики и самодовольно усмехнулся:

«Не думаете ли вы, что я стану признавать свою неправоту, когда доказал, что я прав?»

Надо сказать, Тотмен говорил «я» всегда, когда заимствовал что-либо у меня!

«Разоблачение Мертона — моя заслуга... Он заготовил бутылку, потом оказался в тюрьме, а его жена или кто-то еще...»

«...Доставили бутылку с трогательной наклейкой «Яд — не вручать до рождества»...» — продолжил я, ибо его самодовольный тон стал меня раздражать.

«Не старайтесь казаться большим остолопом, чем вы есть в действительности, — резко перебил меня Тотмен, — и не наглейте, иначе схлопочете неприятности».

Я смиренно извинился и заверил его, что мне «очень приятно с ним работать». Он простил меня, и мы снова стали друзьями. Похлопывая меня по плечу, он мягко сказал:

«Поезжайте в деревню, где жил Мертон, и составьте для меня толковый отчет о той бутылке — как она проделала путь от его жилища до Брук-стрит и кто доставил ее Хедингему. Я же собираюсь в Лезерхед. Дайте знать о себе в пятницу утром, и мы посмотрим, что у нас получилось. У меня ведь день рождения, и я чувствую, мне должно повезти».

Лезерхед — это то место, где Мертон совершил преступление. А насчет своего злополучного дня рождения Тотмен говорил мне уже третий раз.

Я поехал автобусом в Хемпстедскую пустошь. Обошел раз двадцать вокруг Овечьего пруда, и с каждым кругом теория Тотмена казалась мне все глупее и глупее. Я все больше убеждался, что преступник заставил нас втиснуться в узкие рамки тонко и ловко навязанной им версии. Это звучит фантастично, понимаю, но я почти физически ощущал, что убийца подталкивает нас в спину, направляя по угодной ему дорожке.

Я присел на скамью, набил трубку и сказал себе: «Ладно! Преступник хотел, чтобы я поверил в то, во что я действительно поверил, значит, он вел игру не так просто, а намного сложнее. Это означает: истинно именно то, что лежит на поверхности, а не то, в чем преступник хотел нас убедить. Теперь, Фред, ты начнешь все сначала, и отныне ты не будешь идти у него на поводу».

И конечно, самое первое, что пришло мне в голову теперь, было то, что преступник хотел убить именно дворецкого!

Мне уже казалось невероятным, как могли мы раньше не подумать об этом. Какой дворецкий не устоял бы перед соблазном и не отведал бы стаканчик, переливая хозяйское вино в графин? Значит, можно было не сомневаться, что Перкинс станет первой жертвой отравленного вина.

«Однако — стоп. Не спеши, Фред», — прервал я сам себя. Возможны возражения. Первое: Перкинс мог быть исключением и вовсе не был любителем попробовать хозяйские вина. Второе: даже если Перкинс и был таким «любителем», он мог в тот вечер, скажем, неважно себя чувствовать и припрятать стаканник, чтобы выпить его позже. Не слишком ли рискованно было для убийцы — ведь он хотел отравить только Перкинса и ничего не замышлял против семьи лорда Хедингема — всецело зависеть от того, выпьет дворецкий первым или нет?

Внезапно я увидел решение, которое все объяснило. Это вовсе не было бы рискованно, если бы: а) убийца наверняка бы знал о привычках дворецкого; б) мог бы в случае необходимости предостеречь семейство лорда. Иначе говоря, если бы он был другом семьи, присутствовал на ужине и, не вызывая подозрения, мог вовремя предотвратить опасность.

В таком случае это мог быть только сэр Вильям Келсо. Потому что сэр Вильям Келсо был единственным человеком в мире, который мог сказать: «Не пейте это вино. Я не посылал вам его. Это мистификация... если не больше...»

Почему мы не подозревали его с самого начала? Одна из причин, конечно, заключалась в нашем предположении, что жертвой был намечен кто-то из Хедингемов, а в преданности сэра Вильяма этой семье никто никогда не сомневался. Но главной причиной было наше допущение, что наиболее невероятным поступком со стороны преступника было бы приложить к отравленной бутылке свою визитную карточку. Мы заблуждались, забывая, что НАИБОЛЕЕ НЕВЕРОЯТНЫЙ поступок со стороны преступника может быть НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫМ поступком, если преступник по-настоящему умен.

Чтобы окончательно убедиться в правильности своей версии, мне оставалось установить мотивы преступления... И вот я решил доставить себе удовольствие послеполуденного чаепития с экономкой лорда Хедингема. Мы переглядывались с ней еще раньше, во время моих посещений этого дома, а в те годы я пользовался успехом у женщин. Когда я ушел от нее, то знал две вещи — Перкинса не любили не только внизу, но и наверху.

«Удивительно, как они терпели его. А ее светлость совсем изменилась в последнее время».

«Как изменилась?» — спросил я.

«Сразу как-то помолодела, если вы понимаете меня, сержант Мортимер. Снова стала как девушка, благослови ее господь!»

Я понимал, о чем шла речь. Догадка моя подтверждалась. Шантаж.

Что предпринять дальше? Чего стоили мои «драгоценные» выводы? Да ровным счетом ничего. Прямых доказательств у меня не было. Если бы Келсо оставил хоть одну прямую улику, тогда моя версия почти наверняка убедила бы присяжных. Впрочем... улика была: визитная карточка! Но эта единственная улика одновременно доказывала его полную невиновность. Тотмен просто посмеется надо мной. Я задумался, а не удастся ли мне самому посмеяться над ним...

Я сел в автобус и отправился в Реджент-Парк, чтобы детально обдумать там сложившуюся ситуацию. И тут, очутившись у Ганноверской террасы, я увидел Робертса.

«Хелло, молодой человек! Каким ветром вас сюда занесло?»

«Хелло, мой сержант, — усмехнулся он. — Я только что беседовал со своим однокашником — камердинером сэра Вильяма Келсо. По мнению Тотмена, он должен был хорошо знать Мертона. Как говорится, между ними, камердинерами...»

«Вернулся ли инспектор Тотмен?» — спросил я.

Робертс вытянулся в струну и ответил:

«Никак нет, сержант Мортимер, возвращение инспектора Тотмена из Лезерхеда, графство Суррей, ожидается не ранее чем сегодня к ночи».

Вряд ли можно было сердиться на мальчишку. Он никого не уважал, но был славным парнем. И глаз у него был острый, как у ястреба. Он видел все и не забывал ничего...

Я сказал:

«Вот уж не знал, что сэр Вильям проживает где-то поблизости».

Робертс показал через дорогу:

«Видите пышный особняк? Пять минут тому назад вы бы застали меня на кухне за беседой с прислугой, по мнению которой Мертон — это городишко в Суррее. Да так оно и есть, впрочем».

У меня внезапно возникла сумасшедшая идея.

«Так вот, теперь мы отправимся туда вместе, — сказал я. — Я собираюсь нанести визит сэру Вильяму и хочу, чтобы вы были под рукой. Впустят ли они вас на кухню снова или вы им надоели?»

«Мой сержант, там все без ума от меня. Когда я уходил, они хором вздыхали: «Неужели вы должны уже нас покинуть?»

Мы говорили в Ярде: «Убивший однажды навсегда остается убийцей». Возможно, именно поэтому у меня возникло желание, чтобы молодой Робертс находился в пределах досягаемости. Ведь я собирался выложить сэру Вильяму Келсо все начистоту. Я видел его только раз, но у меня сложилось впечатление, что он относится к тому типу людей, которые вполне способны убить, но вряд ли способны лгать...

Подойдя к калитке, я стал рыться в бумажнике, ища визитную карточку. К счастью, одна отыскалась. На ней было несколько чернильных пятен. Ро-

бертс, который ничего не пропускал мимо, заметил:

«Лично я всегда пользуюсь промокательной бумагой».

И, посвистывая, пошел дальше. Я вручил служанке мою карточку и спросил, сможет ли сэр Вильям принять меня. В этот же момент Робертс подмигнул ей и указал на боковую дверь. Ему она кивнула, а меня пригласила войти. Робертс сошел вниз, на кухню. Так я чувствовал себя в большей безопасности.

Сэр Вильям был крупный мужчина, примерно такой, как я. Вертя в пальцах мою карточку, он сказал:

«Итак, сержант, чем могу быть полезен? — Он говорил вполне дружелюбно. — Садитесь, пожалуйста».

«Пожалуй, я постою, сэр Вильям... — ответил я. — Мне хочется задать вам всего лишь один вопрос, если разрешите».

«Бога ради», — ответил он, не проявляя особого интереса.

«Когда вам стало известно, что Перкинс шантажирует леди Хедингем?»

Он стоял перед огромным письменным столом, а я — напротив. Перестав вертеть мою карточку, он замер, наступила неловкая тишина...

«Это ваш единственный вопрос?» — наконец спросил он.

Что меня удивило, так это его голос — такой же спокойный как прежде.

«Пожалуй, еще один... Есть ли у вас дома пишущая машинка?»

Сэр Вильям глубоко вздохнул, бросил мою визитную карточку в корзину для бумаг и отошел к окну. Он стоял спиной ко мне, погруженный в раздумья. Затем он резко повернулся, и, к моему удивлению, я увидел на его лице дружелюбную улыбку.

«Я думаю, нам лучше присесть», — сказал он.

Так мы и сделали.

«У меня есть пишущая машинка, которой я иногда пользуюсь, — начал он. — Смею думать, что и вы тоже пользуетесь машинкой».

«Да», — ответил я.

«И еще тысячи других людей — включая, быть может, убийцу, которого вы разыскиваете», — продолжал он.

«Тысячи людей, включая убийцу», — согласился я.

Он заметил различие в наших словах и улыбнулся. Я сказал «людей», а не «других людей». И я не сказал «разыскиваемого» убийцу. Потому что уже нашел его.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

«И к тому же, — продолжал я, — на машинке был напечатан текст поздравительного послания».

«Было ли в нем что-то примечательное?» — спросил он.

«Нет, не считая того, что написано оно было эзоповским языком».

«Мой дорогой юноша, Эзоп здесь ни при чем, ведь это простое поздравление ко дню рождения — любой бы написал его так», — возразил он.

«Любой представитель вашего сословия, сэр Вильям, который знал бы вас обоих. И больше никто... Вот завтра день рождения инспектора Тотмена... («Которым он все уши нам прожужжал, черт бы его побрал», — добавил я про себя.) И если я пошлю ему бутылку виски, то молодой Робертс — это наш констебль, вы могли его видеть, он ожидает меня внизу (по-моему, я достаточно ловко дал ему понять, что я не один), — этот Робертс мог бы свободно угадать текст моего поздравления, как мог бы это сделать любой у нас в Ярде, кто знает нас обоих. А вот вы не смогли бы угадать этот текст, сэр Вильям!»

Он смотрел сквозь меня невидящим взором. Я спрашивал себя, о чем он думает. Наконец он произнес:

«Вы, вероятно, написали бы так: «Долгой жизни и всех благ, с наилучшими пожеланиями от восхищенного...»

Это было непостижимо. Во-первых, то, что он действительно обдумывал это, когда у него были более серьезные проблемы, над которыми стоило бы призадуматься, а во-вторых, что у него действительно все очень складно получилось. Это «от восхищенного» означало, что он изучил Тотмена так же, как сейчас изучает меня, и догадался, как бы я подольстил своему начальнику.

«Вот видите, — он улыбнулся, — это совсем нетрудно. И тот факт, что воспользовались моей карточкой, является сам по себе убедительным доказательством моей невиновности, не так ли?»

«Для присяжных — пожалуй, — сказал я, — но не для меня».

«Я надеюсь, что смогу убедить вас... — пробормотал он. — Так что же вы собираетесь делать?»

«Я собираюсь, разумеется, представить свою версию завтра же инспектору Тотмену».

«О! Великолепный сюрприз для него ко дню рождения. И что, по-вашему, он предпримет?»

Тут он меня поддел, причем преднамеренно.

«По-моему, ВЫ тоже знаете его, сэр», — сказал я.

«Да, знаю», — улыбнулся он.

«А также и меня, смею заметить, и любого встречного вы схватываете на лету. Но и у обычных людей вроде меня бывают внезапные озарения — ведь я сумел раскусить вас, сэр? Не правда ли? И я почти уверен, что если мы привлечем вас в качестве свидетеля и вы примете присягу, то лжесвидетельство вам будет менее по вкусу, чем признание в убийстве».

«А ВАМ — нет?» — спросил он молниеносно.

«Я считаю, — ответил я, — что есть немало людей, которых следовало бы убить. Но я — полицейский, и мои мысли не меняют существа дела... Ведь вы убили Перкинса, не так ли»?

Он кивнул, а затем произнес чуть не с ухмылкой:

«Истощение нервной системы...

Любой специалист подтвердит этот диагноз под присягой».

Видит бог, человек он был неплохой. И мне было действительно жаль, когда на следующий день его нашли мертвым — он пустил себе пулю в лоб. А впрочем, что еще оставалось ему делать? Он знал, что находится в моих руках...

И Фред Мортимер умолк... Я запротестовал: он не должен был обрывать рассказ вот так, внезапно.

— Мой друг, — молвил Мортимер, — это не конец. Мы сейчас только подходим к самой волнующей части, от которой у вас волосы встанут дыбом.

— Если так, — сказал я улыбаясь, — тогда, выходит, все рассказанное вами до сих пор — не более чем вступление?

— Вот именно. Теперь слушайте. В пятницу утром, еще перед тем, как мы узнали о смерти сэра Вильяма, я пошел с докладом к инспектору Тотмену. Его не было. Никто не знал, где он. Позвонили ему домой... Теперь держитесь крепче за ножку стола... Когда привратник вошел в квартиру Тотмена, то обнаружил, что инспектор мертв...

— Боже мой! — воскликнул я.

— ...А на столе стояла откупоренная бутылка виски и рядом с ней визитная карточка. И чья карточка, по-вашему?! Моя! И что, как вы думаете, на ней было напечатано?.. «Долгой жизни и всех благ, с наилучшими пожеланиями от восхищенного...», далее следовало мое имя. Мое счастье, что со мной накануне был молодой Робертс. Мое счастье, что у него талант все замечать и запоминать. Мое счастье, что он мог подтвердить, какой формы было чернильное пятно на визитной карточке, которую я передал сэру Вильяму. И могу добавить: мое счастье, что мне поверили, когда я изложил слово в слово свою беседу с сэром Вильямом, как изложил ее только что вам. Мне, конечно, сделали официальное замечание за превышение полномочий — в сущности, справедливо. А неофициально мною были очень довольны. Естественно, мы не могли ничего доказать, и самоубийство сэра Вильяма было отнесено за счет необъяснимых. А спустя месяц меня произвели в инспекторы.

Мортимер налил себе вина в бокал и выпил, пока я переваривал эту необычайную историю.

— Теоретически, — сказал я, задумчиво протирая очки, — можно предположить, что сэр Вильям послал отравленное виски не столько с целью избавиться от Тотмена, которого едва ли стоило опасаться, сколько с целью дискредитировать вас. И полностью развенчать вашу версию убийства Перкинса.

— Совершенно верно.

— А затем, в последний момент, он понял, что дальше не сможет жить, или тяжесть его преступлений вдруг стала слишком велика для него, или...

— Что-то в этом роде. Никто никогда об этом не узнает...

Я посмотрел через стол в неожиданном возбуждении, почти в страхе.

— Помните, что он сказал вам? — произнес я, медленно воспроизводя слова сэра Вильяма, чтобы полнее вникнуть в их значение: — «Тот факт, что воспользовались моей карточкой, является сам по себе убедительным доказательством моей невиновности...» А вы сказали: «Но не для меня». И он ответил: «Я надеюсь, что смогу убедить вас». И ВОТ КАК ОН ЭТО СДЕЛАЛ! Ведь тот факт, что была использована ваша карточка, послужил убедительным доказательством вашей невиновности!

— Здесь несколько иное дело. Доказательством послужило то, что в его распоряжении была моя визитная карточка с особыми приметами, которая и была затем использована, а также то, что именно он совершил первое убийство. Отравивший однажды навсегда остается отравителем.

— Действительно... так... Очень вам благодарен за рассказ, Фред. И все же, — заметил я, покачивая головой, — то, что вы хотели доказать, так и осталось недоказанным.

— Что именно?

— Что в самой простейшей версии может заключаться истина. В деле Перкинса — да. Но не в случае убийства Тотмена.

— Простите, я не совсем вас понимаю.

— Мой дорогой друг, — сказал я, поднимая палец, чтобы особо подчеркнуть мою мысль, так как мне показалось, что вино малость разобрало его, — ведь простым объяснением смерти Тотмена было бы — не правда ли? — то, что вы послали ему бутылку с отравленным виски.

Старший инспектор Мортимер посмотрел на меня с удивлением.

— Но ведь я так и сделал... — сказал он.

Теперь вы понимаете, в чем состоит мое «жуткое» затруднение... Я едва мог слушать, а он спокойно продолжал:

— Я никогда не любил Тотмена, и он стоял на моем пути, но я не думал всерьез о том, чтоб убрать его, до того момента, как моя визитная карточка попала снова ко мне в руки. Как я вам уже говорил, сэр Вильям бросил ее в корзину для бумаг и повернулся к окну, и тут я подумал: проклятье, ВЫ можете позволить себе швыряться визитными карточками, но не я. Это последняя карточка, оставшаяся у меня. И если она не нужна вам, то нужна мне. И я наклонился — вполне естественно, будто завязываю шнурок на ботинке, — так, чтобы заслонить собою корзинку, потому что, конечно, вынимать оттуда визитную карточку было весьма неприлично и я не хотел быть застигнутым за этим занятием; и, только уже пряча карточку к себе в карман, я снова обратил внимание на чернильное пятно и вспомнил, что Робертс видел его. В одно мгновение у меня созрел план, простой и надежный. И, начиная с этого момента, все, о чем я рассказывал, было только подготовкой к его осуществлению...

Мортимер повертел ножку бокала в руках.

— Вероятно, я, как и сэр Вильям, скорее скажу правду, чем солгу. А здесь все было правдой: и то, как сэр Вильям узнал о дне рождения Тотмена, и то, как он угадал, что я употребил бы именно такие слова. Не думайте, что я хотел обвинить сэра Вильяма в том, чего он не совершил. Мне он понравился. Но он почти сказал мне, что не собирается ждать того, что ему предстоит. И потом, ведь он уже совершил одно убийство... Вот почему в тот вечер я незаметно пробрался к квартире Тотмена с бутылкой и оставил ее у дверей.

Он встал и потянулся.

— Ну да ладно, это было очень давно. До свидания, старина, мне пора уходить. Благодарю за угощение. Не забудьте, вы обедаете со мной во вторник. Я достал для вас бургундское...

Он осушил свой бокал и удалился, оставив меня наедине с моими мыслями...

Перевели с английского
ВАДИМ И ЛАРИСА ХАЗИНЫ